

Х. К. Андерсен

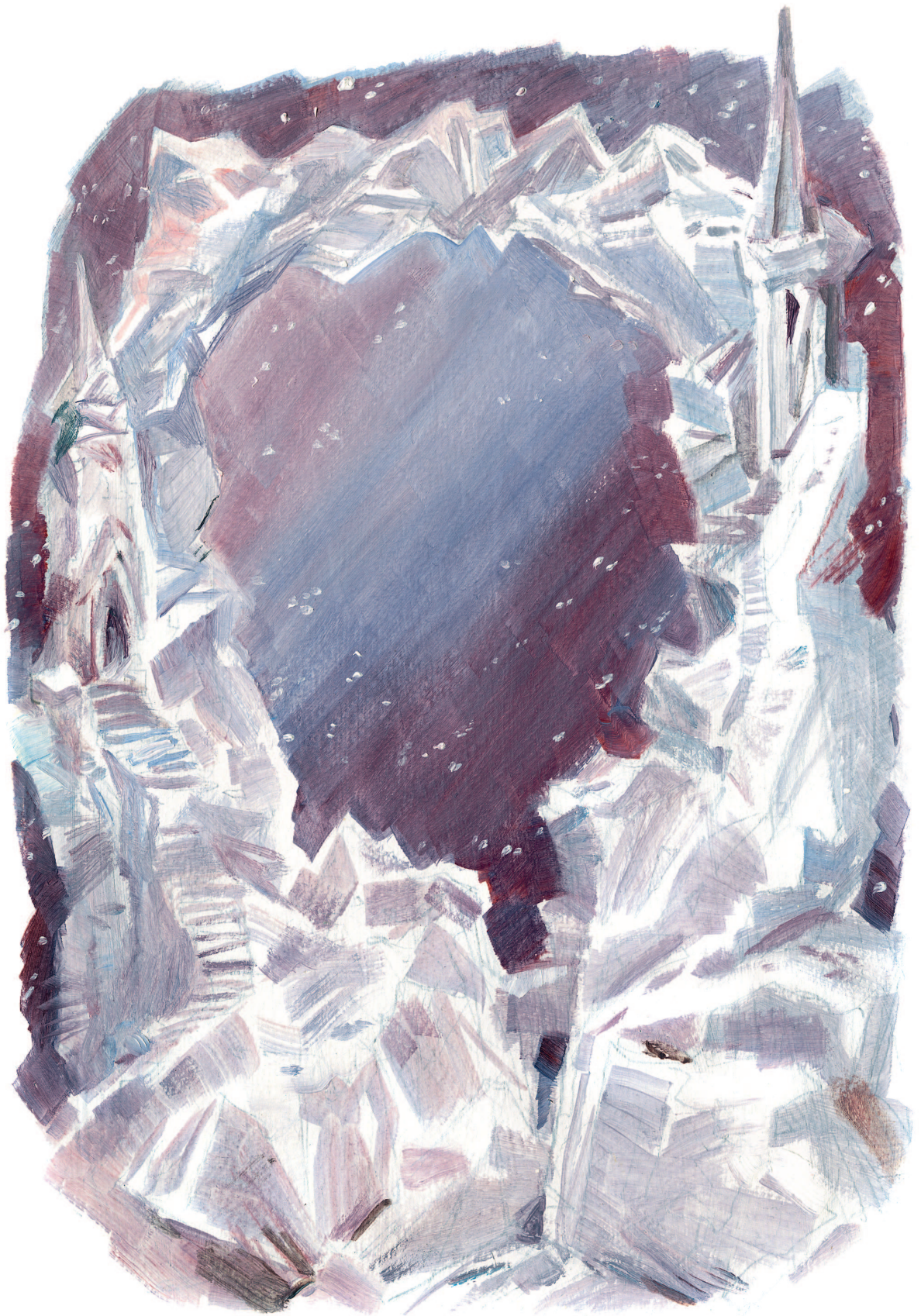
Снежная Королева

Перевод
Анастасии Строчиной

Иллюстрации
Вадима Челака

«МАЛЫШ»

СЛОВО О КОРОЛЕВЕ

Почему-то я никогда не сомневалась в том, что любой или почти любой иллюстратор детских книг мечтает о своей «Снежной королеве». О той, про которую скажут: «О, да это Королева такого-то!» О той, которую узнают из сотен прочих подобных. О той, которая станет — и это уже тайная и неотступная мечта — самой любимой у читателей. Во всяком случае, будь я художницей, то непременно бы создала собственный образ этой героини. Образ этой сказки.

Андерсен принялся писать «Снежную королеву», когда у него уже были изданы два сборника сказок, замеченные критикой и читателями. Но всё же мировой славы его сказки не узнали до тех пор, пока в литературной судьбе Андерсена не появились переводчики. На их плечах — всегда и неизменно — лежит та самая «мировая слава писателя». А она для Андерсена была важна и, скажем больше, необходима. Он даже физически чувствовал себя хуже, если его книги не вызывали восторга или хотя бы интереса. При этом Андерсен хотел прославиться прежде всего как серьёзный романист и в одном из писем подмечал, что стать известным писателем, сочиняя только сказки, — пустая затея. Отчасти он был прав: перевод историй для детей и сегодня не кажется чем-то исключительно необходимым, а двести лет назад и вовсе был совершенно необязательным: в любой сколько-нибудь оформленной национальной литературной традиции хватает собственных сказок — как народных, так и авторских. Войти в мир детского чтения той или иной страны — задача не из простых. Но всё же в части своих сказок, их силы и способности достигаться до людей во всём мире Андерсен ошибся. И мечта датского писателя

осуществилась: его волшебные истории зазвучали едва ли не на всех языках Европы и Азии (всего — более ста двадцати пяти), потому какой-нибудь испанский или японский ребёнок может очень удивиться, узнав, что на самом деле «Снежная королева» написана на другом языке, а вовсе не на испанском или японском. Скорее всего, этот воображаемый ребёнок удивится и тому, что сказка вообще была кем-то написана, а не существовала всегда, с начала времён.

Не со всеми языками Андерсену повезло так, как с русским. И в том нет никакого пристрастного отношения: достаточно сравнить, к примеру, немецкую «Снежную королеву» и перевод Анны Васильевны и Петра Готфридовича Ганзен, чтобы понять, где есть то самое, вожделенное волшебство, а где просто перевод. Понимание этой разницы, умение чувствовать, слышать уникальную музыку и ритм текста особенно важно именно сейчас, когда искусственный интеллект — в том числе в области художественного перевода — день ото дня становится совершеннее. И именно в таком контексте сказка Андерсена «Снежная королева» звучит как никогда актуально и даже пророчески. Да, эта история о добре и зле, взрослении, жертвенности во имя любви, но ещё она о противостоянии сложного и простого, искусственного и наивного, взрослого и детского, искусственного и подлинного. Если угодно, матрицы и свободы, стихии. Безупречности, точности, совершенства и человеческой, пусть глупой, но живой — ошибки. Которую всё ещё можно исправить, за которую всё ещё можно попросить прощения или простить самому.

Возвращаясь к рассуждениям о мировой славе Андерсена, можно, наверное, сказать, что на какие-то языки его книги перевёл Кай — тот, которого ещё не спасла Герда, который пытался в чертогах Снежной королевы ледяными руками собрать слово «вечность», а на другие — Герда. Может быть, перевод её иной раз не точный, часто не изящный и аккуратный, но всегда — от человека к человеку. И это важно. Потому что «Снежная королева» — значимый текст для Андерсена, текст, в котором сокрыта его память о детстве, тоска по отцу, мировоззренческие убеждения, неразделённое чувство к певице Йенни Линд — «шведскому соловью», как её называли в то время. Но обо всём по порядку.

Мы живём в период четвёртой промышленной революции, Андерсен творил в разгаре первой. Люди в то время покидали деревни и стекались в города — в поисках лучшей жизни. Однако находили её не все. Может быть, родители Кая и Герды переехали в Копенгаген в поисках работы на фабрике, а может, они жили в городе давно, но одно мы знаем наверняка: это были бедные люди, такие же простые и бедные, как и родители самого Андерсена. И так же, как Андерсены, они любили цветы, особенно розы. В доме сказочника эти цветы росли в горшках на подоконнике — вместе с тюльпанами (помните, в каком цветке появилась Дюймовочка?).

Отец и бабушка — самые близкие из всей семьи. Со старшей сводной сестрой, странным (а, по словам самого Андерсена, слабоумным) дедом, с матерью, у которой было трудное детство, что весьма повлияло на её характер, такого понимания не возникло. Именно с отцом и бабушкой Ханс Кристиан проводил много времени, от них он услышал первые волшебные истории: отец читал сказки из «Тысячи и одной ночи», Библию, басни Лафонтена, бабушка рассказывала легенды, которые сама слышала в детстве, да к тому же часто приводила внука на работу — в дом для умалишённых, где старухи то и дело вспоминали сюжеты из прошлого — наполовину реальные, наполовину мифические. Возможно, от бабушки он услышал и датскую версию знаменитой норвежской истории «На восток от солнца, на запад от луны», во многом вдохновившую на повествование о путешествии Герды. Потому образ бабушки, произносящей в конце «Снежной королевы» призыв Иисуса «быть как дети», особенно дорог и трогателен. Эта героиня не просто условная «добрая бабушка», она настоящая память о детстве.

Ну а что отец? Его тень тоже есть в этой истории. Сейчас уже трудно сказать, было так в самом деле или нет, но в биографической «Сказке моей жизни» Андерсен пишет: «Я помнил ещё, как прошлой зимой, когда окна все позамёрзли, отец показал нам в ледяных узорах на окне что-то, похожее на женщину, простирившую вперёд обе руки. „За мной что ли пришла?“ — сказал он тогда в шутку» (Андерсен Х. К. Сказка моей жизни. М.: Эксмо, 2019. С. 19). Это ли не первая встреча Андерсена со Снежной королевой? С той, от которой веет холодом, и которая уводит в царство мёртвых, как языческая скандинавская богиня Хель. Мать Андерсена, суеверная женщина,

отправила сына за помощью к знахарке. И та на прощание сказала мальчику: «Ступай вдоль реки! Если твоему отцу суждено умереть в этот раз, ты встретишь его привидение» (там же). Ханс Кристиан никого не встретил. Но отец всё равно умер. Ему было тридцать три года. Сыну — одиннадцать. Не столько ли было и Каю, когда его увела за собой Снежная королева?

Но вернёмся на берег реки. Место встречи живых и мёртвых, место перехода из одного пространства в другое. Именно к реке идёт Герда в начале своего долгого путешествия. И отдаёт воде новые красные туфельки. Многие уже не раз отмечали, что красные туфли у Андерсена (и не только в «Снежной королеве») — символ греха, искушения, пробуждающейся чувственности. Стоит обратить внимание на эпитет «новые», который может указывать на прежде не знакомые героине эмоции и опыт. Но Герда отказывается от туфель, отказывается от соблазнов, таким образом, оставаясь чистой — и душой, и телом. Почти весь её путь окажется босоногим: такова её жертва, таков её выбор — чистота помыслов. Это помогает понять образ девочки: почему именно она сумела спасти Кая? Что в ней было такого, что дало ей силу? Невинность, кротость, молитва — один из возможных ответов.

Итак, Герда отправляется искать Кая. И здесь открывается дверь в пространство смыслов, доступных, скорее, только взрослым читателям. Недаром Андерсен всегда напоминал, что его сказки созданы и для взрослых тоже. С печальным знанием о ледяной деве, о той, которая пришла за отцом писателя и увела его в царство мёртвых, с воспоминаниями о прочитанных книгах и собственным опытом, читатель волен задавать вопросы и искать на них ответы — пусть неверные, местами надуманные, главное — искать, пробуждать мысль. Чуть ниже — самые очевидные примеры (а их может быть столько, сколько перьев у говорящего ворона из сказки).

ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С КАЕМ?

«— Всё ещё дрожишь? — спросила она и поцеловала Кая в лоб.

Холод её поцелуя коснулся самого сердца Кая, хотя оно и так уже наполовину превратилось в ледышку. На мгновение ему показалось, что он умирает, но вдруг всё прошло, и больше ему не было холодно, не было страшно».

Эта цитата весьма похожа на описание того, как замерзают насмерть. А ещё любитель литературы XIX века скажет, что это в целом напоминает изображение детской смерти авторами того времени. Подобные эпизоды в повестях и романах были нередкими и зачастую становились важными элементами сюжета. Вспомнить хотя бы романы Чарльза Диккенса и других викторианцев. Более того, близкие Кая и сама Герда долгое время думают, что он всё-таки умер. И, отправляясь на поиски друга, Герда совершает переход по реке. Что само по себе символично. В скандинавской мифологии, знакомой писателю, есть, например, река Гьёлль, которая течёт у врат Хельхейма — загробного мира. Что, если эта история Андерсена — о вызволении души из царства мёртвых? Нечто похожее на миф об Орфее и Эвридике?

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ КАЙ ВООБЩЕ?

Если взглянуть на сказку с абстрактной, философской точки зрения, то нетрудно вообразить, что Кай и Герда — по сути одна личность, вернее разные её ипостаси. Кай — рассудок, Герда — душа. И тогда сказка обретает иной смысл и становится повествованием о соединении разума и души, взрослении, становлении человека, который не может жить, руководствуясь одним лишь холодным рассудком или одними чувствами.

КТО ИЛИ ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ОБРАЗОМ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ?

Двадцать четыре года было певице Йенни Линд, когда Андерсен писал «Снежную королеву». Немало исследователей уже отметили, что образ холодной красавицы будто бы списан с певицы, отказавшей писателю в чувствах. Может, из любви к Йенни сказочник всё-таки оставляет Снежную королеву в живых, позволяя ей и дальше летать по свету? Но, признаться, версия о том, что эта героиня явилась из детства, из того самого дня, когда отец писателя, предчувствуя смерть, увидел будто бы ледяную деву, мне нравится больше. Только тогда вопрос о том, почему же Андерсен оставил её в живых и даже не наказал, звучит особенно остро.